

Вершинина Инна Альфредовна

кандидат социологических наук, доцент,
доцент кафедры современной социологии
социологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Панич Наталья Александровна

кандидат исторических наук,
старший преподаватель кафедры социологии
коммуникативных систем
социологического факультета
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

ИДЕНТИЧНОСТЬ МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ МЕНЯЮЩЕЙСЯ СОЦИАЛЬНОЙ СТРУКТУРЫ [1]

Аннотация:

В статье анализируется размывание границ социальной структуры, что приводит к трансформации идентичности многих социальных страт. Наибольшие сложности с формированием новой идентичности испытывают мигранты, которые изначально относятся к маргинальным слоям, а в условиях изменения социальной структуры тем более сталкиваются с проблемой поиска своей идентичности. Новая городская маргинальность связывается с проблемами интеграции мигрантов и беженцев, процессами формирования их идентичности.

Ключевые слова:

город, социальная структура, миграция, маргинальность, мобильность, рынок труда, безработица, прекариат, идентичность.

Vershinina Inna Alfredovna

PhD in Social Science, Assistant Professor,
Modern Sociology Department,
Social Science Faculty,
Lomonosov Moscow State University

Panich Nataliya Aleksandrovna

PhD in History, Senior Lecturer,
Sociology of Communication
Systems Department,
Social Science Faculty,
Lomonosov Moscow State University

THE MIGRANTS' IDENTITY AND THE CHANGING SOCIAL STRUCTURE [1]

Summary:

The article analyzes the blurring of social structure lines and the transformation of the identity of social groups. The formation of a new identity is the most difficult process for migrants who are marginalized initially, and in the conditions of changing social structure they face the challenge of finding a new identity. The new urban marginalized groups are associated with the problems of integration of migrants and refugees, the processes of their identity formation.

Keywords:

city, social structure, migration, marginalized groups, mobility, labour market, unemployment, precariat, identity.

Миграционные процессы начала XXI столетия приводят к серьезным трансформациям социальной структуры и городского пространства. Л. Вакан говорит о появлении нового режима городской маргинальности вследствие завершения фордистской эпохи: город, по его словам, становится местом зарождения новой бедности, которая становится все более длительной, если не постоянной [2, с. 265–266]. Новая городская маргинальность оказалась связана в том числе и с проблемами интеграции мигрантов и беженцев, количество которых в Европе катастрофически растет. Даже странам с сильным социальным государством и более или менее сегрегированными городами лишь частично удалось победить феномен маргинальности, но не уничтожить его полностью. Кроме того, наблюдается постоянное углубление пропасти между неблагополучными районами и теми, где живут более успешные социальные группы.

Существуют подходы к оценке социальных, экономических и политических аспектов глобальной миграции, в которых ключевым является тезис о безусловной пользе мигрантов для принимающей их страны. Так, современный исследователь П. Сталкер утверждает, что мигранты «превратились в “амортизаторы” экономики, обогащают культуру страны, способствуют формированию мультикультурности современного общества» [3, с. 154, 169]. Несмотря на то что по официальным данным в мировой миграционный поток включены всего лишь 3 % населения земли (около 190 млн чел.) [4, с. 7], и это на первый взгляд может показаться незначительным, в отдельно взятом населенном пункте последствия этого процесса могут быть катастрофическими. В качестве одного из примеров тревожных последствий глобальной миграции можно привести ситуацию в небольшом итальянском городе Прато, недалеко от Флоренции, основная часть жителей которого была занята в текстильной и швейной промышленности. В конце 80-х гг. прошлого столетия в этот город, являвшийся воплощением социальной солидарности и умеренности, приехала небольшая группа китайских мигрантов численностью 38 человек; по прошествии 20 лет в

Прато находилось около 4 200 китайских предприятий и 45 тыс. рабочих из Китая, что составило пятую часть населения города. Тем самым были подорваны устои традиционной культуры, социальной структуры и городского пространства [5, с. 15–16].

В современных городах активно формируются параллельные пространства, жители каждого из которых характеризуются своим собственным жизненным миром. Структурные позиции в системе производства и потребления, связанные с определенным образом жизни, предполагают кардинальные отличия в финансовых средствах и социокультурных навыках. Это ведет к формированию дуального города, в котором активно идет процесс пространственной сегментации.

Те, кто принадлежит к привилегированному слою, обладают широкими возможностями и правом выбора. Их свобода самостоятельно решать свою судьбу, в частности выбирать место проживания, ослабляет связи с городом, лишает их привязанности к нему. Как констатирует З. Бауман, «люди “высшего слоя” явно не принадлежат месту, в котором они проживают. Мысленно они находятся (или, скорее, плавают) в другом месте. Можно предположить, что, помимо того, что их никто не трогает, что они вольны сами распоряжаться своим временем и что они гарантированно получают услуги, необходимые для определенного жизненного комфорта, у них нет никаких иных интересов в городе, где находится их место жительства» [6, с. 35]. Таким образом, высшие слои общества постепенно «отрываются» от городов, в которых они живут, чтобы стать частью глобального пространства. Имеющиеся возможности для пространственных перемещений способствуют утрате чувства принадлежности определенному городу и способствуют развитию космополитизма.

Те, кто не смог стать частью глобальной космополитической элиты, в полной мере испытывают на себе все негативные последствия глобализации. Одна из главных тенденций последних десятилетий – расширение возможностей работы по гибкому графику, которая дает возможность работодателю избежать долгосрочных обязательств по отношению к своим сотрудникам и оптимизировать издержки на заработную плату. Г. Стэндинг говорит о том, что в новой мировой классовой структуре стремительно растет прекариат, ставший в первую очередь следствием расширения гибкой занятости. Прекариат – это «новый опасный класс», который лишен гарантий занятости и ряда социальных льгот; прекариатизироваться – значит переходить к нестабильному существованию, когда человек живет сиюминутным, не имеет четкой самоидентификации или ощущения, что он может добиться большего [7, с. 36].

Гибкий капитализм оказался гораздо жестче традиционного: если в традиционном веберовском треугольнике бюрократии вознаграждение предоставляется за работу, которую работник выполняет лучше всего, в гибкой корпорации оно предоставляется командам, которым удастся обыграть другие команды, то есть победитель получает все, а усилия проигравших участников больше не вознаграждаются [8, с. 100]. Таким образом, неравенство в доходах стремительно растет. Одновременно с этим тает уверенность в завтрашнем дне, так как в условиях участвующих экономических кризисов многие компании действуют вполне рационально и легко сокращают «лишних» сотрудников, перекладывая заботу о них на социальные службы.

Одной из самых уязвимых составляющих прекариата являются мигранты, регулярно пополняющие его ряды. Мигранты, оказавшись в мегаполисе в поисках лучшей жизни, неизбежно сталкиваются с трансформацией своей идентичности, связанной с процессом адаптации к новой для себя социокультурной среде.

Городское сообщество, несмотря на свою гетерогенность, не утратило возможностей для социального контроля. Горожане довольно четко проводят границу между «своими» и «чужими», заставляя мигрантов искать пути интенсивной адаптации для включения в ряды «своих». Поиск новой идентичности, которая позволила бы стать «своими», может осуществляться в разных направлениях. Д.П. Каранов выделяет три основных варианта поведения мигранта в новой для него городской среде [9, с. 30]:

1. Мигрант следует правилам поведения и культурным нормам, характерным для нового места своего пребывания, идентифицируя себя с соответствующим социумом.
2. Мигрант идентифицирует себя с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, сохраняя верность социокультурному ядру «материнской» общности.
3. Чувствуя свою отчужденность и не желая приспособливаться к новой социокультурной среде, мигрант покидает ее.

Наибольший интерес представляют собой первые две модели поведения, так как третья не предполагает длительного присутствия мигранта в городе. Первая модель приводит к постепенной ассимиляции мигрантов, поэтому является наиболее продуктивной для функционирования городского сообщества. Больше всего проблем для городского сообщества связано со вторым вариантом адаптации, который следует рассмотреть наиболее подробно, поскольку именно он чаще всего и приводит к возникновению конфликтов.

Подобная стратегия адаптации мигрантов, когда происходит идентификация с определенным населенным пунктом, но не с его сообществом, приводит к формированию закрытых социальных групп, которые не хотят вливаться в принимающее городское сообщество. По словам М.С. Савоскул, мигрант может адаптироваться, то есть приспособиться к жизни в принимающем обществе, найти работу и жилье, но при этом может не быть интегрированным в российское общество, жить по иным социальным нормам и правилам, не пройти вторичную социализацию в принимающем обществе и не владеть «социальным» языком норм и правил поведения этого общества [10, с. 104].

Подобная ситуация противоречит тем принципам, которые должны быть заложены в основу концепции построения эффективной градостроительной системы. По мнению специалистов, она должна базироваться на четырех основных приоритетах: повышение качества жизни коренного населения, культурная идентичность региона, экологическая сбалансированность искусственного и природного и устойчивость экономической системы региона [11, с. 4]. Однако поведение мигрантов, ориентированное на сохранение верности социокультурному ядру прежней общности, не позволяет сформировать у горожан единую социокультурную идентичность. Тем самым дестабилизируются различные сферы городской жизни, снижается качество жизни коренного населения.

Частично ответственность за выбор данной непродуктивной модели поведения приезжими может лежать на коренных жителях города, которые склонны обвинять мигрантов в обострении уже имеющихся социальных проблем. Москвичи нередко относятся к мигрантам не слишком дружелюбно. Впрочем, нелюбовь москвичей и жителей других регионов России взаимна. Впервые оказавшись в столице, приезжие испытывают сложную гамму эмоций, на основе которой и формируется неприязнь к Москве и ее жителям. Неприятие вызывают в первую очередь слишком быстрый ритм жизни, диктуемый теми расстояниями, которые необходимо преодолевать в течение дня, анонимность и безразличие, характерные для всех мегаполисов и ставшие следствием высокой плотности населения. В результате мигранты остаются чужаками для большей части населения города, что неизбежно провоцирует конфликтные ситуации. К сожалению, подобные ситуации становятся типичными для московской агломерации.

Необходимо отметить тот факт, что уровень конфликтности серьезно различается в разных районах города. Возможно, данное обстоятельство связано как с численностью мигрантов, так и с настроением по отношению к ним местных жителей. В центре города мигранты не вызывают столь негативного отношения к себе, как на окраинах, что, возможно, объясняется меньшей остротой других социальных проблем, разницей в плотности населения.

Согласно данным переписи населения 2010 г., наиболее густонаселенные районы Москвы находятся ближе к МКАДу, чем к центру города. Необходимость разгрузки центральных районов московской агломерации за счет вывода части рабочих мест на новые территории привела к активному созданию новых рабочих мест в Московской области, где уже сформировались несколько локальных рынков труда благодаря интенсивному развитию сферы услуг и строительству деловых центров. Как следствие, миграция становится сложной социальной проблемой не только для Москвы, но и для Московской области.

Создание условий для социальной и культурной адаптации и интеграции мигрантов является одним из приоритетных направлений Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации. Однако различные города и регионы имеют свою специфику. Главная особенность Москвы – гетерогенность миграционных потоков. Как справедливо замечает О.И. Вендина, «безграничная агломерация», которой, по сути, является Москва, – это сложный объект управления, обладающий высокой степенью неопределенности» [12, с. 24]. Поэтому Москва особенно остро нуждается в разработке собственной стратегии адаптации многочисленных мигрантов, формировании у них той идентичности, которая будет способствовать поддержанию нормального функционирования города.

Недовольство и постоянные жалобы местных жителей на девиантное, зачастую преступное поведение мигрантов в районах расположения миграционных служб повлияли на принятие решение УФМС РФ по городу Москве об открытии единого Многофункционального миграционного центра на территории новой Москвы. Миграционный центр начал свою деятельность 12 января 2015 г. на территории Троицкого округа, вблизи деревни Сахарово. Мигранту предлагается весь комплекс услуг по легализации его пребывания на территории РФ, включая получение медицинской справки, сдачу необходимых экзаменов для получения патентов и многое другое. Как сообщили в пресс-службе УФМС РФ по Москве, за 9 месяцев работы в режиме «одного окна» центр принял более 387 тыс. заявлений на получение патента от иностранных граждан. На территории Многофункционального миграционного центра проведено тестирование 361 тыс. ино-

странных граждан на предмет владения русским языком, знания истории России и основ законодательства Российской Федерации. Многофункциональный миграционный центр также позволил провести медицинское освидетельствование 88 тыс. иностранных граждан, которые смогли получить документы об отсутствии у них наркотической зависимости и инфекционных заболеваний, представляющих опасность для окружающих [13]. Создание центра решило сразу же множество задач как для москвичей (относительное спокойствие в жилых кварталах, где ранее располагались соответствующие службы), так и для мигрантов, которые получили возможность оформить все необходимые документы в одном месте, экономя время и силы.

Мигранты в современном мире вынуждены мириться с низкими зарплатами, краткосрочными контрактами и отсутствием льгот. Они не являются социальными изгоями, но, как правило, не могут стать полноценными членами принимающего их общества. Зачастую мигранты – «гости, которых с трудом терпят» [14, с. 203]. Современный гибкий капитализм признает только взаимовыгодное сотрудничество, то есть использование окружающих для достижения собственных целей. Мир вокруг человека проникается все большим безразличием. Индифферентность характерна не только для сферы трудовых отношений, она довольно быстро проникает в область межличностных взаимодействий и даже затрагивает институт семьи. Диалектика гибкости и безразличия, по мнению Р. Сеннета, проявляется в городском пространстве в трех формах: во-первых, в утрате физической связи с городом, во-вторых, в стандартизации городской среды и, в-третьих, в рационализации семейных и межличностных отношений [15, с. 101].

Высокая мобильность разрушает установившийся порядок жизни, меняет отношение к собственности, общественным пространствам и исторической памяти, поскольку в жертву мобильности приносятся дружеские и семейные связи, а в конечном итоге и гражданское общество [16, с. 314]. Мы наблюдаем серьезную трансформацию идентичности, спровоцированную гибкостью и подвижностью социального пространства. С одной стороны, социальные отношения, пронизанные рациональностью, а следовательно, безразличием, способствуют расширению сети контактов и росту интенсивности мобильности, но с другой стороны, мы наблюдаем, что «личность размывается или делается мобильной, как цепочка следов» [17, с. 145].

Ссылки и примечания:

1. Публикация подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 13–33–01036.
2. Вакан Л. Городская маргинальность грядущего тысячелетия // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2 (70).
3. Сталкер П. *Международная миграция*. М., 2015.
4. Там же. С. 7.
5. Стэндинг Г. *Прекариат: новый опасный класс*. М., 2014.
6. Бауман З. *Город страхов, город надежд* // *Логос*. 2008. № 3.
7. Стэндинг Г. *Указ. соч.* С. 36.
8. Сеннет Р. *Капитализм в большом городе: глобализация, гибкость и безразличие* // *Логос*. 2008. № 3 (66).
9. Каранов Д.П. *Мигранты и принимающее сообщество: Культурный аспект межэтнических отношений в городской среде* // *Полития*. 2013. № 1 (68).
10. Савоскул М.С. *Стратегии адаптации этнических мигрантов в локальных сообществах* // *Мониторинг общественного мнения*. 2011. № 5 (105).
11. Шубенков М.В., Шубенкова М.Ю. *Градостроительная система Московского региона: идеи развития* [Электронный ресурс] // *AMIT*. 2012. № 4 (21). URL: <http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/shubenkov/abstract.php> (дата обращения: 10.10.2015).
12. Вендина О.И. *Социальный атлас Москвы* // *Проект Россия* : прил. к журн. 2012. № 66.
13. Многофункциональный миграционный центр города Москвы приступил к работе 12 января 2015 года [Электронный ресурс] // *Федеральная миграционная служба* : офиц. сайт. URL: <http://www.fmsmoscow.ru/pr/news/268.html> (дата обращения: 10.10.2015).
14. Стэндинг Г. *Указ. соч.* С. 203.
15. Сеннет Р. *Указ. соч.* С. 101.
16. Вендина О.И. *Можно ли увидеть четкие перспективы в туманном будущем городов?* // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 2 (70).
17. Урри Дж. *Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия*. М., 2012.

References and notes:

1. The publication is prepared with the support of the RHF, the project № 13-33-01036.
2. Vakan, L 2010, 'Urban marginality next millennium', *NZ*, no. 2 (70).
3. Stalker, P 2015, *International migration*, Moscow.
4. Stalker, P 2015, *International migration*, Moscow, p. 5-7.
5. Standing, G 2014, *Prekariat: new dangerous class*, Moscow.
6. Bauman, Z 2008, 'City fears, the city hopes', *Logos*, no. 3.
7. Standing, G 2014, *Prekariat: new dangerous class*, Moscow, p. 36.
8. Sennett, R 2008, 'Capitalism and the City: globalization, flexibility and indifference', *Logos*, no. 3 (66).
9. Karanov, DP 2013, 'Migrants and host community cultural aspects of ethnic relations in the urban environment', *Politia*, no. 1 (68).
10. Savoskul, MS 2011, 'Adaptation strategies of ethnic migrants in local communities', *Monitoring of public opinion*, no. 5 (105).

11. Shubenkov, MV & Shubenkova, MY 2012, 'Urban system in the Moscow region: the idea', *AMIT*, no. 4 (21), retrieved 10 October 2015, <<http://www.marhi.ru/AMIT/2012/4kvart12/shubenkov/abstract.php>>.
12. Vendina, OI 2012, 'Social Atlas of Moscow', *Russia Project: Journal*, no. 66.
13. 'Multi-immigration center of the city of Moscow began work January 12, 2015' 2015, *Federal Migration Service: official site*, retrieved 10 October 2015, <<http://www.fmsmoscow.ru/pr/news/268.html>>.
14. Standing, G 2014, *Prekariat: new dangerous class*, Moscow, p. 203.
15. Sennett, R 2008, 'Capitalism and the City: globalization, flexibility and indifference', *Logos*, no. 3 (66), p. 101.
16. Vendina, OI 2010, 'Can you see clear prospects in the misty future cities?', *Emergency ration*, no. 2 (70).
17. Urry, J 2012, *Sociology beyond societies: the types of mobility for the XXI century*, Moscow.